Хань Линь, будучи хирургом, которому годами приходится проводить долгие часы в операционной, просто обязан поддерживать крепкое телосложение и неиссякаемый запас сил. Поэтому, каким бы плотным ни был его график, он каждый день выкраивал время для тренировок. Само собой, фигура у него была такая, о которой Чао Гэ, этакому домашнему затворнику, оставалось только мечтать.

Чао Гэ был без ума от тела Хань Линя, а потому и не думал слезать с него.

— Настоящий маленький паразит, — Хань Линь легко ущипнул Чао Гэ за пухлые щеки — на ощупь они были невероятно мягкими.

Чао Гэ не мог говорить, поэтому лишь ласково потерелся щекой о его палец.

Пальцы у Хань Линя были длинными и сильными, и Чао Гэ просто безумно их обожал. Когда Хань Линь брал его за руку, обнимал или когда они предавались близости в тишине ночи, в этих руках всегда чувствовалась живая душа.

Просмотрев запись операции с полчаса, Хань Линь убрал планшет:

— Пора спать.

Чао Гэ показал ему двумя пальцами знак победы — это значило, что до конца катки оставалось еще минуты две. Хань Линь хмыкнул, приподнял его повыше за грудь и опустил взгляд, наблюдая, как тот играет.

Понаблюдав за процессом, Хань Линь безжалостно вынес вердикт:

— Играешь криво, а затягивает сильно.

Чао Гэ вспылил от стыда и злости и легонько стукнул его в грудь кулаком.

Хех, какие упругие грудные мышцы.

На следующий день Хань Линь и Чао Гэ встали спозаранку. Чао Гэ занялся завтраком, а Хань Линь побежал в гостиной.

В половине восьмого Хань Линь закончил пробежку и заглянул в гостевую комнату, чтобы всех поднять.

— Хань Сяоцзюнь, подъем! — В последний раз Хань Линь будил кого-то из младших столько лет назад, когда орал на своего второго брата.

Этот его братец был из тех тугодумов, которым хоть кол на голове теши, поэтому Хань Линь, следуя старой привычке, без всяких церемоний сорвал с него одеяло.

Однако сделать это с первого раза не вышло. В такую жару, при включенном на шестнадцать градусов кондиционере, Хань Сяоцзюнь ухитрился завернуться в толстое ватное одеяло, превратившись в настоящий кокон.

Хань Линь:……

— Хань Сяоцзюнь, ты совсем не бережливостью страдаешь? — Хань Линь нахмурился и выключил кондиционер. — Живо вставай завтракать, а как поедим, я отведу тебя домой собирать вещи.

Хань Сяоцзюнь лежал пластом, не делая ни малейшей попытки шевельнуться.

Хань Линь принялся толкать его:

— Просыпайся, хорош дрыхнуть.

Закончив готовить, Чао Гэ услышал шум и пришел посмотреть, в чем дело. Увидев, как Хань Сяоцзюнь забивается всё глубже и глубже в постель, он с улыбкой вытянул Хань Линя из комнаты.

[Дай ему еще поспать, у него же редкий выходной,] — жестами показал Чао Гэ.

— Половина восьмого, а он все спит, — закатил глаза Хань Линь. — Скоро сгоняем к моей маме, заберем его вещи, потом я поеду в больницу, а ты отвезешь его барахло к нам домой.

Чао Гэ кивнул.

— Если днем он будет докучать тебе дома, просто звякни мне, я вернусь после смены и заставлю его вести себя тихо, — сказал Хань Линь. — И не церемонься с ним, если станет артачиться — воспитывай.

[Какой же ты демон-брат,] — показал Чао Гэ, [Ужасно свирепый.]

— Разве я свирепый? — возразил Хань Линь. — Это он слишком избалованный.

[Но ты ведь совсем его не знаешь, все судишь со слов других. Вчера он даже поблагодарил меня, такой вежливый парень,] — объяснил жестами Чао Гэ. [Да и Дянь-Дянь говорила, что он тебя очень любит.]

— Ой, брось, он просто умеет притворяться. Сначала поедим, а потом поедем за вещами, — отрезал Хань Линь.

Перед выходом Чао Гэ на цыпочках заглянул в гостевую комнату и оставил Хань Сяоцзюню на прикроватной тумбочке записку: сообщил, что завтрак ждет на кухне, а также написал, куда они ушли и когда вернутся.

Хань Линь, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди, наблюдал за этим со стороны, а когда они вышли, заметил:

— Из тебя вышел бы отличный отец.

Чао Гэ показал ему: [Я не против, чтобы ты звал меня папочкой.]

Хань Линь ущипнул его за пухлую щеку:

— Я вообще-то хвалю твою внимательность. Куда уж мне, старшему брату, до тебя, я в роли опекуна просто никакой.

[Хоть понимаешь. Еще не поздно исправиться,] — ответил жестами Чао Гэ.

— Обойдемся, у меня нет особого желания возиться сопляками. Сам же знаешь, я не люблю детей, — сказал Хань Линь.

Хань Линь действительно терпеть не мог малышню: от них вечно шум и хлопоты. Когда родственники или друзья приходили с детьми, он, в отличие от остальных, не бросался с ними сюсюкаться, а старался держаться как можно дальше.

Другое дело — Чао Гэ. По словам самого Хань Линя, в Чао Гэ было чересчур много отцовской любви: он искренне умилялся абсолютно всем детишкам и пушистым комочкам.

Машину вел Чао Гэ. У Хань Линя днем была операция, и Чао Гэ хотел, чтобы тот поберег силы.

Если бы не то обстоятельство, что Чао Гэ собирался заявиться к матери Хань Линя лично, та в жизни бы ему не открыла. Чао Гэ даже думал просто высадить Хань Линя у больницы, а за вещами съездить самому.

Вот только мать Хань Линя его недолюбливала.

Добравшись до места, Чао Гэ не стал выходить из машины и остался ждать Хань Линя внизу.

Сидя в салоне, он невольно предался раздумьям.

Характер у матери Хань Линя был жестким, да и сам Хань Линь — человек твердый внутри и снаружи. Каждый год они из-за него бесчисленное количество раз ссорились.

Чао Гэ тяжело переживал это.

Он трепетно относился к семье и считал, что главное для близких людей — это лад и согласие. Если бы представилась возможность, он бы отдал всё, чтобы мирно ужиться с родителями и двумя младшими братьями Хань Линя и стать по-настоящему единой семьей.

А не так, как сейчас: когда между самыми близкими людьми лежит пропасть взаимной неприязни.

Но Чао Гэ не смел слишком открыто выказывать свои мысли перед Хань Линем. Он прекрасно знал, какое колоссальное давление тот испытывал, оказавшись между ним и родителями, и не хотел добавлять любимому лишних забот.

Все эти тяжелые мысли приходилось держать при себе.

Хань Линь вернулся быстро, неся в руке доверху набитый рюкзак.

— Поехали, в больницу, — сказал он.

Чао Гэ кивнул и тронулся с места, чтобы отвезти Хань Линя на работу.

Когда Чао Гэ вернулся домой, Хань Сяоцзюнь все еще спал в своей комнате. Чао Гэ постоял какое-то время у приоткрытой двери, взвешивая все за и против, но будить парня так и не стал.

Вчера он увидел Хань Сяоцзюня впервые, но проникся к нему огромной симпатии.

А все потому, что Хань Сяоцзюнь был невероятно похож на Хань Линя. Теперь Чао Гэ наконец-то понял, почему Линь Дянь в свое время назвал Хань Сяоцзюня уменьшенной копией Хань Линя. Это юное лицо с детскими чертами, на котором подросток пытался изобразить суровое и холодное выражение, выглядело донельзя умилительно.

Он невольно начал фантазировать: а что, если бы у них с Хань Линем появился ребенок? Был бы он таким же милым, как Хань Сяоцзюнь?

Жаль только, что ни он, ни Хань Линь не могли иметь детей, к тому же Хань Линь терпеть их не мог.

Окутанный легкой грустью, Чао Гэ направился в кабинет, чтобы погрузиться в привычные дневные заботы.

http://bllate.org/book/40407/5128687